Г. Е. Корнилов

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО *ВЕКША* 'БЕЛКА ОБЫКНОВЕННАЯ, SCIURUS VULGARIS LINNAEI'

Как известно, М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка», дав предварительную сводку результатов этимологического рассмотрения русского диалектного названия белки *векша*, так и не пришел к определенному выводу относительно происхождения этого интереснейшего слова. В своих примечаниях к соответствующей словарной статье О. Н. Трубачев указал на несомненную связь диалектного *векша* с русским же диалектным (архангельским) *ва́шка* 'молодая белка', вместе с которым *векша* могло быть заимствовано из финно-угорских или чувашских языков [1]. Трудно переоценить данное указание уже потому, что сделано оно славистом в условиях, когда ученые, прекрасно владеющие конкретным материалом урало-алтайских языков и наречий, хотели бы облегчить свою непосредственную задачу ссылкой на русский источник [2].

Итак, обратимся к урало-алтайским данным. Форма *вакша* — исключительное достояние чувашского верхового диалекта тури (вирьял), которому вообще свойственна губная гармония и, в частности, замена инициальных и интервокальных аллофонов *п-*, *-п-* на аллофоны *в-*, *-в-*; ср. анатри *лупашка* ~ тури *вопашка*, *вовашка* 'ложбина, лужок' (Аш V, 269) [3]; анатри *пус* ~ тури *вус* 'копейка' (Аш V, 275) и т. д.[4] В чувашский литературный язык интересующий нас термин вошел из диалекта анатри в виде *пакша*. Этот вариант и следует согласно изложенному выше считать за исходный в рамках чувашской языковой общности.

Если бы *пакша* было словом, образованным в условиях окончательного оформления чувашской языковой общности, то есть восходило к эпохе не ранее IX—X века нашей эры, — его следовало бы членить *пак-ша*, особенно с учетом того, что стечения

---

[1] Фасмер I, стр. 287, 281.

[2] Егоров, стр. 142.

[3] Римские цифры указывают здесь и в дальнейшем номер тома, арабские — страницу издания: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Казань—Чебоксары, 1928—1950.

[4] Здесь уместно отметить, что в тури больше всего заимствований из русского; в свою очередь, большинство булгаро-чувашских заимствований в русском языке представлено в фонетическом облике тури. См., напр., о слове *слон*: Г. Корнилов. «К этимологии некоторых чувашских зоонимов». — «Уч. зап.» (НИИ при СМ ЧАССР), вып. 46. Чебоксары, 1970, стр. 226.

согласных обычны на стыках морфем. Но древнерусское *вѣкъша* 'денежная единица (видимо, беличья шкурка из Волжской или аспаруховой Болгарии)' и фамилия *Вякошкин* (XIII в.) [5] прямо указывают на морфемно-слоговое деление *па-кша*; затем, исходя из восточнославянских примеров, а также из собственно историко-фонетических соображений, напрашивается гласный внутри стечения согласных *-кш-*; этот гласный мог выпасть лишь будучи редуцированным, а редукции, как известно, в чувашских диалектах подвергались *о* и *у* [6]. Таким образом, получаем новую ступень реконструкции *па-к(у)-ш(а)* или *па-к(о)-ш(а)* или эти же варианты с инициальными *м-*, *в-* вместо *п-* (ср. чувашские диалектные соответствия типа: *малалла* ~ *валалла* 'вперед', *вешник* ~ *меҫник* 'вершник', *пăши* ~ *мăши* 'лось', *мĕкĕр* ~ *вĕкĕр* 'реветь', *миме* ~ *виме* 'помочь', *вал* ~ *мал* 'перед', *валка* ~ *палка* 'надгробие' и множество других, в том числе на уровне общеалтайских и общетюркских). Записанные в виде формулы исторического развития указанные выше ступени для чувашского низового диалекта анатри, стало быть, будут выглядеть: *пакша* $<$ **пакаша* $<$ **пакуш(а)*. Конечный гласный явно «паразитический», он развился по аналогии к другим именам на *-ша* (типа, напр., *кукша* 'лысый') на месте анафорического местоимения *-и (-ы)* в функции аффикса притяжательности 3 лица, обычного для чувашских фитонимов, зоонимов и других терминов, образованных, как правило, исключительно на базе атрибутивной синтагмы.

Итак, следующий вариант фонетически и грамматически мыслимой реконструкции будет **па-куш* для низового диалекта анатри и **ва-куш*, **ва-кош*, **ма-куш*, **ма-кош* — для всех других исторически и пространственно мыслимых говоров и диалектов. В позиции после *п-*, *в-*, *м-* гласный *а* первого слога произносится в урало-алтайских языках с той или иной степенью лабиальности, поэтому фонетически безупречная запись нами реконструированных аллоформ должна выглядеть: (1) **па°-куш*, (2) **па°-кош*, (3) **ва°-куш*, (4) **ва°-кош*, (5) **ма°-куш*, (6) **ма°-кош*. Теперь следует проверить наши реконструкции на материале языков урало-алтайской семьи, поскольку территории расселения урало-алтайцев и обитания белки совпадают. Все шесть предложенных вариантов имеют реальное обеспечение в живых языках: (1), (2) базируются на низовом чувашском *пакша*; (3), (4) — на верховом чувашском *вакша* и восточнославянских (древнерусском и северновеликорусском) *вѣкъша*, *векша*; (5), (6) — неожиданно, но

[5] Фасмер I, стр. 287.

[6] На *о* указывает, в частности, и упомянутая выше фамилия, которая образована, следовательно, из *вякош* путем прибавления диминутивного суффикса *-ка*; к получившемуся *вякошка* присоединен притяжательный «фамильный» *-ин*, что, впрочем, очевидно и не требует специальных экскурсов в область славянского словопроизводства.

вполне закономерно (с учетом угорско-булгаро-чувашских и угорско-славянских связей) получают подтверждение в венгерском языке, где в литературный стандарт вошло *mókus* 'белка, беличий'.

В конце концов, слово оказалось типично урало-алтайским по структуре и более чем прозрачным в плане наличия «апеллятивов». Первые элементы реконструированных аллоформ *па-*, *ва-*, *ма-* прямо сопоставимы с мансийским *па*; венгерским *фа*; эстонским, финским *пуу*; марийским, коми, удмуртским *пу*; тунгусо-маньчжурскими *моо*, *мо*; монгольскими *мо* (в составе калмыцкого *модн*, монгольского литературного *мод*, бурят-монгольского *модон*); тюркскими *о-*, *ву-*, *во-* (в составе *отун*, *утин*, *одун*, *отын*, *утын*, *одын*, *вут*, *вудй*, *водй*) и т. д., имеющими следующий спектр значений: 'дерево, деревья; лес, лесина; древесина, дрова, деревянный, дровяной'. Что касается второго элемента, то это, видимо, некогда также урало-алтайское слово, сохранившееся ныне лишь в виде тюркских аллоформ *кош*, *куш*, *кăш* 'птица', *'зверь', с которыми есть основания сближать русское *кыш!* (слово, которым отпугивают птиц). Неразличение птиц и млекопитающих свойственно, например, и другому чувашскому номенклатурному термину — *кайăк*, которое означает и зверя, и птицу, и даже — насекомых, а в восточных говорах (Урмарский район ЧАССР) встречается просто в значении 'заяц'. Слово *кош* (*куш*, *кăш*) могло использоваться в названии белки также с учетом самих «летательных» способностей этого грызуна, что подтверждается также семантическим сдвигом, например, в условиях русских говоров, ср. холмогорское *векша* 'сорока', объясненное Зелениным как эвфемизм [7]. Заметим, что, видимо, мансийский вариант *па°*, первый элемент чувашского низового *пакша*, второй элемент чувашского низового *йупа* 'столб' представляют собой древнейший фонетический облик соответствующего, может быть, ностратического (ср. хинди *пэ-р* 'дерево, растение') фитонимического термина.

Следует отметить то очевидное обстоятельство, что спектр переносных и даже прямых значений слова *пакша* в древних урало-алтайских диалектах был значительно шире, в частности, обязательно включал значение денежной единицы (шкурки пушных зверьков во всей Евразии некогда заменяли разменную монету). Поэтому первоначально сюда вполне могли относиться и марийское *окса* [8], заимствованное из чувашского верхового *окса*, и чувашское литературное *укçа*, которому соответствуют тюркские *акча*, *ахча*, *окча*, *акша*, *акса* 'деньги'; 'серебряные монеты'. Со временем, когда в обращение поступили серебряные монеты, прежн-

[7] См. М. Фасмер I, стр. 287.

[8] Впервые сопоставлено О. Н. Трубачевым. См. Фасмер I, стр. 281.

нее название белки в значении 'деньги' первоначально перешло в ранг омонима, а затем претерпело фонетические изменения в результате контаминации с формами, подобными турецкому *акча* 'беленький, беловатый', в связи с чем этимологию В. Г. Егорова, вообще сближающего слова *акча* 'деньги' и *акча* 'беленький' [9], не следует считать сколько-нибудь противоречащей тому, что сказано нами выше. Разумеется, русское слово *белка*, означающее просто 'белая', вполне допускает объяснение в качестве кальки с тюркского уже переосмысленного названия денежной единицы, в течение продолжительного времени, видимо, функционировавшей одновременно в виде эквивалентных беличьей шкурки и соответствующей величины и формы серебряной монеты. Во всяком случае сомнительно, чтобы цвет редко встречающихся альбиносов стал определяющим для названия всего семейства сезонно меняющих окраску меха зверьков [10].

Есть также большой соблазн выводить из *пакша* 'белка' тюркские эквиваленты казахского диалектного *бокша* 'сумочка', тем более, что персидское *бугче* 'котомка, узел, сверток', не имеющее убедительной индоевропейской этимологии, само может быть интерпретировано как тюркизм, а сумочки в древности «несомненно делались из шкур». Тогда первоначальное значение чувашского композита *укса-пухча* 'деньги вообще, всякие деньги' могло бы быть 'монеты и беличьи шкурки', а с учетом древних функций слова *пакша*, которое могло обобщенно обозначать всех лазающих (и даже нелазающих) по деревьям пушных зверьков, могло бы быть и 'монеты' и 'пушнина'. Но для понятий 'сумка; узел; тюк; связка; котомка; сверток; чемодан' подходит также и объяснение *пухча* в качестве образования от глаголов *пух-*, *пох-* 'собирать, объединять, складывать в кучу, созывать вместе' и т. д. Скорее всего и здесь не обошлось без многократных переосмыслений на почве различных говоров и диалектов тюркских языков.

Надеемся, что экстралингвистические данные по истории материальной культуры народов Евразии помогут в дальнейшем углубить и расширить изложенный выше чисто языковый материал.

---

[9] См. В. Г. Егоров, стр. 270, 271.

[10] Ср. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 33.